

12.03.24

ПРОШЛОЕ НА ЭКСПОРТ: ПОЧЕМУ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ФРГ НЕ СТАЛА УНИВЕРСАЛЬНОЙ?

Поведение учеников одной из профессиональных школ Висбадена стало поводом для большого скандала в Германии. Во время коллективного просмотра документального фильма о Ванзейской конференции 1942 года, в ходе которой нацистское руководство определилось со средствами для «окончательного решения еврейского вопроса», молодые люди аплодировали финальным титрам, сообщавшим: «В годы национал-социалистической диктатуры было убито шесть миллионов евреев». Зачинщиков провокации отстранили от занятий, к делу довольно быстро подключилась прокуратура. Немецкий «урок о важном» был сорван.

Как нетрудно догадаться, большинство учащихся были выходцами из мусульманских семей с «миграционным» прошлым, а их реакция на фильм обусловлена обострением палестино-израильского конфликта. Хотя рост антисемитских настроений в мусульманской общине Германии наблюдается довольно давно, столь резкие проявления неприятия исторического нарратива ФРГ случаются нечасто. Тем более что недостаточно уважительное отношение к темам, служащим фундаментом немецкой политики памяти – холокост и нацистская диктатура, – чревато судебными разбирательствами.

Многие эксперты объяснили произошедшее в Висбадене недостаточной эффективностью миграционной политики Берлина, из-за которой приезжие и их дети остаются невосприимчивыми к декларируемым ценностям немецкого общества и даже законодательству ФРГ. Однако, признав эту оценку верной, можно также констатировать: вышеописанный инцидент стал проявлением системного кризиса, охватившего Германию, – кризиса ее исторической политики. По своему значению и последствиям он сопоставим с проблемой деиндустриализации немецкой экономики и беспрецедентно низким уровнем одобрения правительства Олафа Шольца.

Наука ненависти

На протяжении многих лет историческая политика ФРГ считалась образцовой. Пройдя непростой путь проб и ошибок, немецкие историки вместе с политиками и общественными деятелями, казалось, выработали «золотой стандарт» обращения с прошлым. Период Третьего рейха препарировался с академическим хладнокровием, а катастрофические итоги правления Гитлера доходчиво разъяснялись немецким и зарубежным обывателям. Щедрое финансирование профильных институтов и научных центров подстегивало публицистическую активность историков и разработку новых проектов в сфере исторической политики. Казалось, что экономические успехи и международный авторитет ФРГ зиждутся не только на трудолюбии и педантичности немецких граждан, но и на их высокой идейной сознательности, проистекающей из определенного отношения к прошлому их страны.

Принципиальное значение здесь имел так называемый «спор историков» (Historikerstreit). Такое название получила дискуссия, разразившаяся в ФРГ во второй половине 1980-х. Поводом для нее послужили противоречивые действия западногерманского руководства, истолкованные критиками чуть ли не как реабилитация нацизма. Во многом именно «спор историков» задал импульс к критическому восприятию немцами своего прошлого. Дискуссия о том, в какой степени национал-социализм был уникальным историческим явлением, завершилась победой сторонников идеи о беспрецедентном характере преступлений гитлеровского режима, концентрировавшихся вокруг философа франкфуртской школы Юргена Хабермаса.

Успешность подходов исторической политики Германии в какой-то момент сделала ее столь же типичным немецким экспортным продуктом, как автомобили или пиво. Прежде всего это касалось стран Восточной Европы и постсоветского пространства с их «тоталитарным наследием». Переживая в 1990-х непростой период адаптации к новым реалиям однополярного мира, государства бывшего соцлагеря охотно перенимали практики западных партнеров не только в сфере политического или экономического устройства, но и в отношении к себе и своему прошлому. Именно в этот период новый импульс получает идея приравнивания Советского Союза к Третьей рейхе, ранее считавшаяся маргинальной. Особую популярность она получила в странах Восточной Европы, решивших, что концепция «жертв двух диктатур» открывает перед ними заманчивые финансовые перспективы. Некоторые особо горячие головы на Западе считали такое сравнение весомым аргументом в пользу лишения СССР, а затем его правопреемницы Российской Федерации кресла постоянного члена Совбеза ООН.

С точки зрения процессов трансформации исторической памяти меньше всего повезло ГДР, которая исчезла с карты мира в 1990-м, растворившись в Западной Германии. Невозможность механически приравнять Восточную Германию к Третьей рейхе по политическим причинам (всё же «осси» были крупной группой избирателей) привела к появлению концепции «неправового государства» (Unrechtsstaat). В соответствии с ней исторический опыт ГДР отличался от преступлений гитлеровской Германии только тем, что восточногерманское руководство не уничтожало массово своих политических противников в концлагерях и не развязывало войн. Впрочем, значимость этого отличия старались приуменьшить, делая акцент на притеснениях оппозиционных деятелей и инцидентах, связанных с незаконным пересечением государственной границы ГДР. Для многих бывших восточногерманских госслужащих, особенно из силового блока, такой безапелляционно критичный подход нередко означал серьезные проблемы с законом, который неожиданно получил обратную силу.

Борьба за прошлое

Другая ситуация с внешним трансфером немецкой исторической памяти сложилась в случае Российской Федерации. Поскольку «спор историков» в ФРГ закончился победой сторонников тезиса об уникальном характере национал-социализма и его преступлений, формальное уравнивание СССР и Третьей рейха было невозможным. Тем не менее от российской стороны ждали повторения немецкого опыта по части выработки подчеркнуто критичного взгляда на события своей истории. Разница в социально-экономическом положении России и Германии в девяностые служила дополнительным аргументом в пользу благостности такой «проработки прошлого».

Немецкий исторический нарратив настойчиво продвигался действовавшими в России профильными НКО и в рамках совместных форматов, таких как Российско-германская комиссия историков, учрежденная в 1997-м президентом России Борисом Ельциным и канцлером ФРГ Гельмутом Колем. Дезориентированные отказом от положений советской исторической науки, а еще больше – скудным финансированием в непростой для страны период времени отечественные историки не могли поддерживать равноправный характер профессионального сотрудничества с немецкими коллегами. В результате повестка дня в значительной степени определялась немецкой стороной, задавая направления совместной исследовательской работы и терминологический аппарат. По мере укрепления позиций российского исторического сообщества находить общий язык с коллегами из ФРГ становилось все сложнее. Так, третий том российско-германского учебника по истории, вышедший в 2019-м и посвященный переполненному драматическими событиями XX веку, в отдельных случаях содержал по две главы на одну и ту же тему за авторством российского и немецкого экспертов, которые так и не смогли прийти к консенсусу в ходе совместной работы.

По мере нарастания противоречий между Москвой и Западом в начале 2020-х одними из первых запретительный в России статус получили организации, действующие в сфере исторической политики, активно поддерживаемые немецкими партнерами. Яркий пример – общество «Мемориал», сначала признанное российскими властями иноагентом, а в конце 2021 года, то есть еще до спецоперации на Украине, ликвидированное как юрлицо. Это решение вызвало бурную реакцию в Германии, а после начала СВО представители «Мемориала» были частыми гостями на политических мероприятиях в ФРГ, где выступали с критикой российской власти.

Тем не менее, несмотря на очевидные успехи, с определенного момента историческая политика Германии стала сбивать как в экспортном варианте, так и в форме «для внутреннего потребления».

Во-первых, как показали события последних лет, успех этой политики сильно зависел от общего благополучия немецкого общества. Нарастание социально-экономических трудностей в ФРГ во второй половине 2010-х, а особенно после 2022 года привело к росту популярности партии «Альтернатива для Германии», предлагавшей среди прочего и свой взгляд на историю страны, в том числе и на ее нацистский период. Было бы преувеличением сказать, что АдГ стремится реабилитировать национал-социализм, но в то же время ряд влиятельных функционеров партии отметились двусмысленными заявлениями в духе переосмысления критичного взгляда на историю, продвигаемого немецким руководством. Все это не мешает АдГ быть второй по популярности политической силой в стране.

Во-вторых, формирование многополярного мира поставило под вопрос универсальность немецкого исторического нарратива. Укрепление позиций России, Китая, Индии и других международных игроков сопровождается выстраиванием их новой идентичности в новых международных условиях. Этот процесс неотделим от формирования самостоятельной исторической политики, где перенимание зарубежного опыта, тем более столь специфического, как немецкий, допустимо в весьма ограниченных объемах. С другой стороны, очевидная реабилитация нацизма в Прибалтике и на Украине не встречает серьезных протестов в Берлине и никак не отражается на диалоге ФРГ с этими странами, что, по сути, делает немецкую

ПРОШЛОЕ НА ЭКСПОРТ: ПОЧЕМУ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ФРГ НЕ СТАЛА УНИВЕРСАЛЬНОЙ?

историческую политику еще одной формой проявления двойных стандартов, характерных для стран Запада.

Историческая политика ФРГ меняется. Перед ней стоит трудная задача выработки нового нарратива в условиях разнонаправленных тенденций в немецком обществе и государстве – увеличения числа людей с миграционным прошлым, отказа от пацифистских внешнеполитических установок, навязывания специфического набора «ценностей» и др. Важен и разрыв российско-германских связей, нивелирующий феномен беспрецедентного примирения между двумя народами. В любом случае статус исторической политики ФРГ, как универсального и прогрессивного подхода к прошлому, сам стал частью истории.

Впервые опубликовано деловым журналом "Профиль": Соколов А. Прошлое на экспорт: почему историческая политика ФРГ не стала универсальной? Профиль. 12.03.24. <https://profile.ru/abroad/proshloe-na-eksport-pochemu-istoricheskaya-politika-frg-ne-stala-universalnoj-1460966/>

Источник: **Прошлое на экспорт: почему историческая политика ФРГ не стала универсальной?**

ОБ АВТОРЕ

Артем Соколов

Эксперт

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Германия, Европейский союз

Область экспертизы: Специалист по внешней и внутренней политике Германии, российско-германским отношениям.

Профессиональный опыт: С 2017 г. – старший преподаватель Кафедры исторических наук МГЛУ, с 2018 г. – научный сотрудник Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России. Автор еженедельного дайджеста внешней политики ФРГ.

